По показаниям самих московских иезуитов, все это были «почти исключительно сыновья более умных князей и сановников».[26] Последние были заинтересованы в том, чтобы дать своим сыновьям воспитание и образование, соответствующее культурным требованиям времени и дающее возможность ввести их в круг европейских культурных интересов. И иезуиты, по-видимому, сумели удовлетворить этим запросам: в 1703 году русский резидент в Москве Кайзерлинг писал, что иезуиты «der grossen Herren Kinder durch fleissige Information ziemlich an sich gezogen hatten» («успешно привлекали к себе детей больших господ посредством усердного обучения»).[27]

Началось дело с обучения русских учеников латинскому языку, но вскоре ввели и другие дисциплины, в частности детям преподавалась математика,[28] а затем немецкий язык.[29] В школе было заведено так же обучение военному искусству, как это отмечалось в заграничных изданиях на основании официальной московской информации. В находившемся в сфере русского влияния западноевропейском издании «Acta eruditorum», в номере от августа 1705 года, в контексте рассказа, имевшего целью показать достигнутую Россией высокую степень европейской культуры, было подчеркнуто, что русская молодежь имеет возможность получить образование европейского типа как в немецкой школе Глюка, так и у московских иезуитов.[30] Отметим, наконец, что школа иезуитов была организована в форме интерната (пансиона), в котором жизнь учащихся протекала под надзором учителей и наставников, т. е. иезуитов и их помощников.

Нас здесь не может не интересовать и религиозная сторона организации иезуитской школы, поскольку она могла так или иначе влиять на учеников из числа московских обывателей, московских дворян и др. Тут перед московскими иезуитами стояла нелегкая задача. Конечно, знатные русские ученики были у них на особом положении сравнительно со школьниками из католических семейств. Последние воспитывались в строго католическом духе, педагоги готовили их для помощи при богослужении, для церковного хора и т. п. Все это никак не могло распространяться на русских учеников. И Милан, и Берула отлично знали, что опасение за религиозное воспитание русских детей было одною из причин изгнания иезуитов из Москвы в 1689 году. В их время — после 1698 года — положение в Москве существенно изменилось, пребывание католических священников стало более обычным явлением, западное влияние на жизнь москвичей получило большее значение, чем раньше. В церковной жизни несколько ослабело влияние строгих охранителей старого правоверия, подобных патриархам Иоакиму и Адриану. И однако по-прежнему оставалось запрещенным всякое католическое воздействие на русских людей. В стенах школы оно оставалось столь же опасным, как и в 1689 году.

Московские иезуиты имели случай убедиться в этом в 1702 году, когда местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский выступил с предложением запретить иноверцам принимать в свои школы православных детей, а русским — отдавать детей в иноверческие школы вместо отправления их

[26] Письма и донесения, №№ 315—316 (131), 236 (33).

[27] Fr. Dukmeyer. Korbs Diarium in Moscoviam und Quellen, т. I. Berlin, 1909, S. 208. (В дальнейшем сокращенно: Dukmeyer. Korbs Diarium, I).

[28] Письма и донесения, №№ 236 (39), 269 (73).

[29] Там же, №№ 256 (60), 260 (61).

[30] «...neque minus et PP. Iesuitae Missionarii in suburbio Germanorum, praeter Latinam linguam, Mathesin atque disciplinas militares adolescentes docent» («между тем и отцы миссионеры-иезуиты в Немецкой слободе преподают юношам, помимо латинского языка и математики, также и военные науки»). «Acta Eruditorum», anno MDCCV publicata, Lipsiae, MDCCV, август, стр. 389 и сл.; о Глюке там же, стр. 382 и сл., ср.: там же, MDCCV, май, стр. 240 и MDCCVI, стр. 96.